
О. В. АКСЕНОВА

СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ НА ЗАПАДЕ

Введение

Под социально-экологической рефлексией в данном случае имеется в виду процесс осмысления различными социальными группами способов и следствий взаимодействия общества и природы и возникающих в этой связи общественных отношений в культурной, социальной, политической и экономической сферах. В результате этого процесса формируются позиции агентов экополитики и стратегия разрешения экологических проблем, отражающие тенденции общественного развития.

Исследователи находят корни многих современных экологических воззрений в философских и экономических идеях XVIII–XIX веков, чаще всего в романтических представлениях XIX века об эстетических ценностях природных ландшафтов и внутренних, не зависящих от человеческого восприятия (intrinsic) ценностях природы (см., например: Pepper 1984). Средовой, экологической теорией считают также мальтузианство. А попытки экономического анализа и решения проблем промышленного загрязнения предпринимались еще в начале прошлого века представителями неоклассической экономической школы (Van der Straaten 1992). Но только в 60-е годы XX века началась реальная эмансипация сферы социально-экологических отношений, включавшая в себя появление экологических движений, экологической политики и экологического управления. Ей сопутствовал бурный процесс осмысления (и переосмысления) взаимоотношений среды и общества и появления большого числа их интерпретаций.

Результатом послевоенного экономического бума в западных странах стало не только возникновение общества всеобщего благосостояния, но и появление экологических проблем невиданной ранее остроты и масштаба. Уже в начале 60-х годов экологические последствия бурного промышленного развития стали очевидны и

ощутимы для населения. А к 70-м ученые заговорили о существовании реальной угрозы глобального экологического кризиса как прямого следствия научно-технического прогресса и неограниченного индустриального роста.

Новая ситуация потребовала от общества и действий, и размышлений. И то и другое оказалось поистине революционным. Главным социальным агентом экологического действия стало экологическое движение, возникшее в начале 60-х наряду с другими новыми социальными движениями (женским, антивоенным, правозащитным и др.). Экологическое движение, состоявшее из множества различных групп и течений, было центром развития самоорганизации людей на разных уровнях. Выработывая формы и методы самоуправления и мобилизации населения, стратегию и тактику своих действий и взаимодействия с другими социальными группами, движение создавало новую для индустриального общества форму горизонтальной, неиерархической структуры связей, новые методы процесса принятия решений, расширяло применение форм прямой демократии и т. п.

Очень скоро стало ясно, что проблемы охраны среды и предотвращения экологического кризиса не решаемы техническими средствами. Наличие жестких средовых ограничений экономического роста заставило подвергнуть сомнению безусловность научно-технического прогресса, усомниться в лежащем в основании западного мировоззрения принципе антропоцентризма и задуматься о том, может ли человек далее удерживаться на позициях венца творения или должен занять место среди других биологических видов. Равно как было необходимо найти решение ряда других вопросов: связано ли прогрессирующее разрушение среды с социальными ценностями и установками; обусловлено ли оно производительными силами, производственными отношениями или общественной системой в целом и пр.

Центральная проблема, стоявшая как перед экологическим движением, так и перед его оппонентами (компаниями и государством), может быть сформулирована следующим образом: можно ли избежать глобальной экологической катастрофы без радикальных изменений базовых институтов современного общества или для этого требуется переход к иной (альтернативной) социальной системе?

Решение экологических проблем требовало, таким образом, социальной рефлексии. Именно экологическое движение стало ее катализатором, так как сумело вынести эти вопросы на общественное обсуждение и вовлечь в него представителей разных социальных групп (экоактивистов, ученых, бизнесменов, политиков и др.). В результате поиск путей проэкологического переустройства индустриальной системы стал предметом обсуждения практически на всех уровнях общества. Было выдвинуто немало теорий, объясняющих причины экологического кризиса и предлагающих различные варианты выхода из него. Благодаря этой рефлексии сформировался целый комплекс идей, идеологий, программ переустройства общества, изменений системы управления, да и просто точек зрения.

Примерно до середины 80-х годов ядром этого комплекса были концепции альтернативного преобразования общества (например, экосоциализм, экоанархизм), в 90-е годы они были оттеснены на периферию, а их место заняли теории проэкологического развития современного общества (модернити), без радикального изменения ее институтов (теории устойчивого развития, идеи «зеленого капитализма» и концепция экологической модернизации). На политической арене представители государства и бизнеса сменили экоактивистов, само движение институционализировалось и распалось на сети экоНПО.

Таким образом, при всей революционности самого процесса социально-экологической рефлексии, начавшейся во второй половине XX века, перемены, произошедшие в нем в последнем десятилетии, также достаточно радикальны.

В данной работе рассматриваются главные направления социально-экологической мысли 1960–2000 годов и главные этапы ее развития в рамках этого периода. Основное внимание уделено теории экологической модернизации, которая в настоящее время занимает ключевые позиции как в социально-экологической теории, так и в экологической политике большинства западных стран. Кроме того, именно эта концепция стала составной частью теоретических интерпретаций модернити и постмодернити.

1960–1970-е. Поиск альтернативных путей развития общества

Дважды за этот период отправной точкой социальных и философских дискуссий о природе и обществе становились публикации

естественнонаучного характера. Первой была книга Рашель Карсонс «Тихая весна» (Carson 1962) о воздействии на природу тотальной химизации. «Тихая весна» имела огромный резонанс в обществе и была манифестом зарождающегося экологического движения.

Второй и, пожалуй, самой важной вехой развития социально-экологической мысли в начале 70-х годов стал доклад Римскому клубу «Пределы роста» (Meadows *at al.* 1972). В 60-е годы правительства и промышленные компании могли просто игнорировать предупреждения экологов о вероятности полного разрушения среды, обвиняя экологическое движение и его сторонников в некомпетентности. Именно после публикации доклада призрак глобальной экологической катастрофы превратился в реальную, осязаемую угрозу для всех, и начались дискуссии о том, как следует переустроить общество, чтобы избежать кризиса.

Основные идеи (а точнее, основные подходы) современного инвайронментализма были сформулированы в трех ставших ключевыми для развития экодвижения публикациях: отмеченные выше «Пределы роста», «План выживания» («A Blueprint for Survival»), составленный редакторами «The Ecologist» с предисловием известного биолога Эрлиха, и «Маленькое прекрасно» («Small is beautiful») Фрица Шумахера.

«A Blueprint for Survival» действительно был написан как план проэкологического реструктурирования Британии и даже содержал сроки исполнения. Его авторы писали: «Радикальные перемены необходимы и неизбежны, так как настоящее выражается в росте населения и потребления, разрушении экосистем и истощении ресурсов и подрывает самые основания жизни» (A Blueprint for Survival 1972: 15; пер. автора).

Согласно плану выживания общество должно развиваться, используя минимум природных ресурсов и сохраняя стабильный уровень населения. Для этого людям предстоит отказаться от многих материальных благ и удобств, что будет компенсировано глубиной человеческих отношений, развитием личности, отсутствием дискриминации женщин, национальных и социальных меньшинств. Все это можно реализовать в небольших сообществах, в которых граждане смогут сами организовывать и контролировать жизнь общества. Небольшие сообщества, кроме того, причиняют минимальный вред экосистемам.

Примерно те же идеи содержатся в «Small is Beautiful», только акцент сделан на абстрактные категории, а не на конкретные действия. Автор ставил перед собой задачу исследовать современную философию, основанные на ней ценности и то, как они влияют на экономику. Шумахер исходил из предпосылки, что именно ценности определяют экономику, а, следовательно, для того, чтобы избежать катастрофы, их необходимо изменить. Результатом будет разнообразие экологически ориентированных обществ (экономических систем), например, «Буддистская экономика» (см.: Shumacher 1973).

Важным событием была и работа Гаррета Хардина «Трагедия общинной собственности» («Tragedy of commons»), опубликованная в 1968 г. (см.: Hardin 1968). Хардин поставил вопрос о разрушительности индивидуальных интересов для окружающей среды на примере деградации земель общинных выпасов скота. Равновесие, существующее между продуктивностью пастбища и его биологическим состоянием, может быть нарушено, если кто-либо добавит к стаду хотя бы одну корову или овцу, вдохновившись успехом соседей. Последствия катастрофичны как для природы, так и для людей, которые более не могут пользоваться ее благами. При этом нарушить установившийся между хозяйственной деятельностью сообщества и экосистемой баланс может даже один безответственный человек, и он всегда найдется. Только жесткое ограничение доступа к ресурсам большого числа людей или просто сокращение человеческой популяции будет способствовать сохранению окружающей среды.

Хардин был неомальтузианцем и весьма правым по своим взглядам, но, по мнению социалиста Д. Пеппера, он поставил вопрос, имевший большое значение для инвайронменталистов как левого, так и правого толка, а именно вопрос о легитимности удовлетворения частных интересов для индивидуальной выгоды за счет эксплуатации ресурсов, если при этом бремя потерь ложится на всех (Pepper 1984: 19).

Идеи, изложенные выше, так или иначе, нашли отражение в разнообразных направлениях социально-экологической мысли 70-х годов, которые могут быть сгруппированы в соответствии с предлагаемыми ими способами проэкологического переустройства общества и соответственно объяснением причин разрушения среды

человеком: экоанархизм, экосоциализм (экокоммунизм), глубинная экология. Во многих случаях границы между этими направлениями размыты. Пожалуй, наиболее жестко отделяет себя от других течений экосоциализм.

Экосоциализм

Экосоциализм (или «неомарксизм», см.: Mol 1995) до падения железного занавеса был одной из самых популярных социально-экологических идей.

Сторонники экосоциализма (см., например: Pepper 1984; 1993) считают, что разрушение среды есть результат капиталистических отношений, главными причинами эксплуатации природы являются капиталистический способ производства и эксплуататорский характер капиталистического общества. Они предлагают соответственно радикальное изменение общественных отношений, переход к планированию производства, которое, по мнению авторов, позволит развивать промышленное производство с учетом потребности общества в здоровой среде и неразрушенной природе, а следовательно, регулировать воздействие на нее.

Экосоциализм предполагает сохранение антропоцентризма, так как именно человек, его благополучие и развитие являются основной целью предотвращения экологической катастрофы и сохранения среды. Наиболее полно идеи экосоциализма сформулированы в работах Дэвида Пеппера, поэтому для их характеристики мы приводим довольно обширную цитату из его книги «Eco-socialism»: «Экосоциализм является антропоцентрической (хотя и не в капиталистически-технократическом смысле) и гуманистической концепцией. Он отрицает биоэтику и природную мистику, а также и любой антигуманизм, который из них следует. При этом он признает важность человеческой духовности и удовлетворение ее посредством нематериального взаимодействия с природой. Но люди не являются загрязнителями сами по себе, так же, как они не виноваты в высокомерии, жадности, агрессивности, конкуренции и прочих дикостях. Если человек ведет себя подобным образом, то не по причине генетической предрасположенности или искажения божественного замысла. Причиной всего перечисленного является социально-экономическая система.

Люди не похожи на других животных, несоциализированной природной среды уже не существует, то есть природа социально воспринимается нами и социально воспроизводится. Отчуждение от природы есть отчуждение от нас самих. Оно может быть преодолено путем восстановления коллективного контроля над отношениями с природой, через общую собственность на средства производства, которое является центром наших отношений с природой, если не всеми отношениями.

Мы не должны доминировать или эксплуатировать природу, пытаясь преодолеть природные ограничения и законы, но мы должны коллективно «доминировать» (то есть планировать и контролировать) над нашими связями с ней, для общественного блага» (Pepper 1993: 232–233).

Экоанархизм

По мнению экоанархистов (см.: Commoner 1982; Sachs 1993), индустриализм как таковой приводит к экологическому кризису. Разрушение среды, насилие современного общества над природой есть результат иерархического устройства любого индустриального общества, централизации его жизни в целом, политики и управления в частности, парламентских форм демократии, различных видов насилия человека над человеком. В свою очередь, все эти формы современных общественных отношений есть требование логики промышленного производства, его технической и технологической составляющих. Следовательно, необходимы радикальные изменения не только производственных отношений, но и производительных сил, то есть отказ от индустриального производства, и переход к децентрализованным формам общественной организации (скажем, в небольших коммунах), построенным на доиндустриальной или неиндустриальной экономике.

Несколько иной точки зрения придерживается один из основных идеологов экоанархизма Мюррей Букчин (см.: Bookchin 1966; 1971; 1990). Он также считает, что иерархия, эксплуатация, доминирование человека над человеком и доминирование человека над природой есть основные причины экологического кризиса, но при этом нет необходимости отказываться от современных технологий. По его мнению, как раз их развитие позволит изменить сущест

вующий тип индустриализма, отказаться от государства, перейти к негосударственным, локальным формам общественного устройства.

Букчин считает, что необходима локализация, муниципализация общественной жизни, ее организация на уровне малого города или района мегаполиса методами прямой, невыборной демократии (Bookchin 1971; 1990). Для этого экологическое движение должно стремиться войти в муниципальные или районные выборные органы, но ни в коем случае не должно участвовать в каких бы то ни было парламентских играх.

«Экологическое движение, которое занимается парламентской деятельностью, только легитимизирует государственную власть ценой власти народа. Оно становится функциональной частью Государства и, в конечном счете, превращается в его плоть от плоти и кость от кости» (Bookchin 1990: 161).

Глубинная экология

Впервые идеи глубинной экологии были сформулированы в лекции норвежского философа Арнэ Наесса в 1972 году (Naess 1973).

Глубинная экология просто не затрагивает вопросы техники и технологии, производительных сил или производственных отношений, фокусируясь на необходимости внутренних изменений в человеке, его системе ценностей и отношении к природе. Она предполагает полный отказ от антропоцентризма и замену его биоцентризмом (или эоцентризмом). «Вместо дуализма она предполагает единство объекта и субъекта. Жизнь – это не отдельные существа, но “неразделенная целостность”... Корень проблемы в антропоцентризме, и, поставив в центр природу, мы разрешим ее» (Grover Foley 1992: 91).

Главная цель глубинных экологов – это культивировать, развивать экологическое сознание, которое не признает более никаких границ в мире: ни границ между биологическими видами, ни границ между человеком и остальным миром. Корни экологического кризиса, по мнению сторонников глубинной экологии, в дуальном, ориентированном на объект мышлении (Szerszinsky 1996).

Таким образом, глубинная экология сфокусирована на личностных, индивидуальных ценностях гораздо в большей степени, чем на действиях и на политике.

Перечисленные идеи были весьма популярны и оказывали серьезное влияние на общество, в особенности на молодежь. Государство и промышленные компании, которые в этот исторический период были последовательными оппонентами экологического движения, не смогли противопоставить им ничего существенного.

Предлагались теории выхода из экологического кризиса без изменений существующей общественной системы, посредством управленческих или экономических решений, и предпринимались попытки их реализации.

Например, трактовка проблем загрязнения как побочного эффекта промышленного производства была построена на использовании основной экономической модели современного капитализма, в основании которой лежит неоклассическая экономическая теория (Маршал, Пигу и др.). В соответствии с этой моделью экологические проблемы есть побочный эффект промышленного производства, правительство должно заставить всех загрязнителей посчитать затраты, которые вынуждены расходовать другие экономические агенты, для того чтобы справиться с негативными эффектами, далее посредством платежей за загрязнение сделать затраты этих предприятий реальными, то есть учитывающими ущерб, нанесенный ими среде, здоровью людей, и, в конечном счете, сделать «грязное» производство невыгодным (Van der Straaten 1992).

В шестидесятые годы делались попытки применить эту идею (Mishan 1967). Поиск различных моделей подсчета экологических затрат и вариантов платежей, механизмов их включения в экономический процесс привел к возникновению целой отрасли экономики «environmental economy» (в СССР – «Экономика природопользования»). Однако все подобные попытки упирались в невозможность определить объективную цену издержек и цену экологических факторов. И до середины 80-х годов идеи неальтернативной и нерадикальной реконструкции общества находились на периферии социально-экологической мысли.

1980-е. Новая экологическая парадигма. Концепции общества риска и включение социальной экологии в «большую науку»

В целом 60-е и 70-е годы были временем дилетантов. Об общественном устройстве и его взаимодействии с природой размышляли многие, но только не представители общественных наук.

Последние в этот период игнорировали если не наличие серьезных экологических проблем, то их связь с социальными отношениями. Поэтому исследование социальных аспектов взаимодействия общества и окружающей среды осуществлялось в этот период большей частью эоактивистами, лидерами движений, учеными-естественниками, такими как, например, биологи Гаррет и Эрлих, директор Центра изучения природных систем университета города Вашингтон Барри Коммонер и т. д.

Любопытно, что практически одновременно с дискуссиями об экологическом кризисе и его возможных последствиях в обществе развернулись дебаты о характере индустриального и постиндустриального общества, появилось множество интерпретаций модернити и постмодернити. Если осмысление институциональных изменений современности и зарождение нового постиндустриального общества сразу заняло ключевые позиции в социологии, то сюжеты, связанные с экологическим кризисом, очень долго не признавались в качестве предмета социологического анализа.

Классическая социология рассматривала окружающую среду как внешний фактор, не связанный с социальной сферой. Так продолжалось до конца восьмидесятых годов, а деятельность социологов в социально-экологической сфере долгое время сводилась к практическим исследованиям в сфере экологических движений и экологических установок (Mol 1995; Dunlap, Catton 1994).

Действительно, эмпирическая социология начала обращать внимание на социально-экологические проблемы и социально-экологические идеи несколько раньше, чем социологическая теория, занимаясь исследованиями экологического движения как одного из новых социальных движений. Исследования экодвижений как носителей новой системы ценностей позволили сформулировать новую экологическую парадигму (НЭП) (Catton, Dunlap 1978).

НЭП не содержит конкретных механизмов перехода к новому обществу и не определяет характера его политической и экономической системы (капитализм, социализм или что-либо еще), но она позволяет выявить ключевые социально-культурные установки (позиции) общества по отношению к основным аспектам своего функционирования – промышленному росту, прогрессу, политике, взаимосвязям человека с природой и т. д. При этом речь идет не об

установках и ценностях, сформулированных инвайронменталистами, но о реально существующих в современном обществе ценностях, сформировавшихся большей частью под влиянием действий и идей экологических движений.

Современную доминирующую социальную парадигму (ДСП) можно обозначить как «парадигму человеческой исключительности» (Яницкий), ее основой является антропоцентризм. НЭП предполагает отказ от этого принципа и признание человека одним из многих других существ, которые взаимозависимы и включены в глобальную экосистему. Она основывается на доминировании таких идей, как самоценность природы, забота обо всех живых организмах, включая людей и их будущие поколения, стремление к исключению любых видов риска и опасностей, угрожающих человечеству и природе; признание того, что существуют законы биосферы, которые человеческое общество не должно преступать (Catton, Danlap 1978).

Экологическое преобразование общества может быть представлено, таким образом, как смена доминирующей социальной парадигмы, то есть суммы идей, отражающих социальное устройство общества и его институциональную структуру, управляющую поведением отдельных людей и социума в целом.

Результаты исследований в конце 80-х годов дали социологам основания говорить о реальных постмодернистских изменениях в обществе, о его ценностной переориентации, что и должно было позволить существующей общественной системе избежать катастрофы без радикальной трансформации ее институтов.

Общество всеобщего риска и рефлексивная модернизация

Лишь в конце восьмидесятых социологией был признан социальный характер экологических проблем, началось тесное взаимодействие и взаимовлияние между социальной экологией и социологической теорией (Giddens 1990). Именно с этого периода она вошла на равных правах с другими направлениями социологической науки в «большую социологию» и стала важной составной частью социологических концепций модерни и постмодернити.

Тогда же об экологическом кризисе и способах выхода из него начинают говорить и политики, встраивая эти вопросы в повестку дня деятельности государства. В 1987 г. Всемирной комиссией по

охране среды и развитию, возглавляемой премьер-министром Норвегии Гру Харлем Брунтланд, опубликован доклад «Наше общее будущее», в котором провозглашались идеи устойчивого развития, и с этого времени они стали основой экополитики развитых стран Запада (WCED 1987).

Таким образом, признание общей социологией наличия экологической составляющей модернити совпало по времени с политическим признанием актуальности экологических проблем. Это говорит не о политической ангажированности социологов, но о качественно новой стадии развития общества. Экологическая опасность и ее воздействие на социальные процессы стала глобальной и явной угрозой существованию современного общества. Причем угрозой не только здоровью людей и состоянию природных экосистем, но экономическим и политическим интересам различных социальных групп. Недаром в определении индустриального общества как рефлексивной модернизации экологический кризис интерпретирован как проявление экологического риска (Mol 1995).

Концепция общества риска сложилась на основе многочисленных прикладных, менеджерских оценок технологического риска, а также социологических исследований его восприятия населением.

Процесс осознания экологического риска как социального явления и прикладные исследования в сфере оценки риска всегда были тесно связаны друг с другом. Эта взаимосвязь выражалась одновременно как в их противостоянии, так и во взаимодополнении.

Общество столкнулось с необходимостью оценки степени реальной экологической опасности, созданной развитием его индустриальной основы приблизительно в конце 60-х годов. Определение вероятности техногенных аварий и катастроф стало обязательным для управления различными технологическими системами. В то же время под давлением экологических движений в развитых странах Запада были приняты «зеленые», проэкологические законодательства. Промышленное лобби нуждалось в весомых аргументах в борьбе для отстаивания своих интересов.

В результате появилась так называемая количественная оценка риска, которая была призвана стать, с одной стороны, реальным инструментом управления, с другой – идеологическим орудием борьбы промышленных компаний с экологическим движением.

Последняя функция была явно преобладающей. Появились работы, доказывающие, что опасность ветровой энергетики не ниже, чем энергетики атомной. Затем начали разрабатываться методы оценки степени опасности совершенно новых технологических систем. Для этого использовался сложнейший математический аппарат, включающий обширные массивы инженерных данных, системный анализ, теорию вероятностей и т. п.

Эти исследования были вполне убедительными для технического сообщества. По сути, они никогда не были только математическими выкладками или инженерными расчетами. Оценка вероятности стала выражением идеологии индустриализма и означала, что риск невелик, экологического кризиса нет и не будет.

Протесты экодвижений и населения против опасных объектов были объявлены иррациональными страхами неспециалистов. В свою очередь, количественная оценка риска вызвала резко отрицательную реакцию со стороны экологического сообщества и недоверие населения. Антропологи и социологи доказали, что неприятие общественностью этого подхода и растущее беспокойство по поводу экологических и технологических рисков не есть нечто иррациональное, а, скорее, представляет рациональность более высокого порядка (Douglas, Wildavsky 1982).

Общество должно решать, что оно будет считать наиболее опасным или рискованным, а это зависит от индивидуальных, групповых и общественных ценностей. В различных областях науки развернулись исследования по восприятию риска, выбору риска, одобрению риска и т. д.

Но самый важный шаг в развитии оценки риска, позволивший в конечном итоге увязать социальные и технологические аспекты оценки риска, был сделан Чарльзом Перроу, который ввел понятие обычной или системной аварии (normal or system accident). Перроу занимался социологией организаций и исследованием сложных технологических систем. Он произвел детальный анализ ряда аварий, включая аварию на атомной станции «Три Майл Айленд» и пришел к заключению, что виновником катастроф являются сложные технологии как таковые. Вероятность сбоя, возникающего при взаимодействии между их элементами, невозможно вычислить, анализируя вероятности сбоев в каждом из них.

Результатом его работы стали три ключевых вывода: системная авария в сложных технологических системах неизбежна и непредсказуема, ее вероятность невозможно просчитать, так как она всегда существует в силу нелинейного сочетания элементов. Системная авария одинаково свойственна как старым, хорошо отрегулированным отраслям промышленности (например нефтехимии), так и новым, пока еще плохо контролируемым (ядерная энергетика); количественная оценка риска просто игнорирует сложные взаимодействия между компонентами системы, которые и являются причиной многочисленных и неизбежных системных сбоев (Petrow 1984).

Дальнейшее развитие исследований риска в социальной теории привело к появлению концепции общества риска Ульриха Бека в 1984 году (см.: Бек 2000). Бек вывел понятие системного инцидента за узкие рамки функционирования технологических систем, определив современное общество как общество риска, который является всеобщим, непредсказуемым и некалькулируемым. Общество и его институты вынуждены постоянно оценивать свои действия с позиций приемлемости риска. Именно этот процесс определяется Бекем и его последователями как рефлексивная модернизация. Рефлексивная модернизация в интерпретации Бека имеет двойственный характер, она, с одной стороны, направлена на минимизацию риска, а с другой – постоянные изменения и трансформации его увеличивают.

Энтони Гидденс применил выводы Бека к более высокому уровню обобщения и осмысления процессов становления постмодернити. Рефлексивная модернизация понимается как постоянное переосмысление, переоценка и соответствующая трансформация всех институтов модернити.

«Во всех культурах социальная практика регулярно изменяется в свете постоянно внедряющихся в нее открытий. Но только с наступлением эры модернити пересмотр правил настолько радикализируется, что применяется (в принципе) ко всем аспектам человеческой жизни, включая технологическое вмешательство в материальный мир... Основная черта этой эпохи состоит не в том, чтобы принимать новое ради него самого, но в презумпции всеохватывающей рефлексивности, которая, разумеется, включает и рефлексию о природе самой рефлексии» (Giddens 1996, цит. по: Иноземцев 1999).

«За пределами роста»: устойчивое развитие и экологическая модернизация

В конце 80-х годов расклад сил на экополитической арене серьезно изменился. С призывами к проэкологическим изменениям начали выступать ведущие политики. Всемирная комиссия во главе с премьер-министром Норвегии говорит о необходимости перехода к устойчивому развитию, американский сенатор Альберт Гор пишет книгу «Сбалансированная Земля» («Earth in the Balance») (Gore 1992). Государство и промышленные компании стремятся перехватить роль ведущих экополитических социально-экологических акторов у экологических движений.

Авторы «Пределов роста» пишут новую книгу «За пределами роста» («Beyond the limits») (Meadows 1992), в которой утверждают, что современное общество способно преодолеть средовые ограничения, вписав свое воспроизводство в установленные природой пределы и заменив «рост» «развитием».

Появляются новые идеи проэкологического развития существующего общества без его радикальной перестройки, которые становятся популярными. Можно выделить три весьма схожих социально-экологических подхода: «зеленый капитализм», устойчивое развитие и экологическая модернизация.

«Зеленый капитализм»

Идеи «зеленого капитализма» акцентируют внимание на капиталистическом механизме воспроизводства, который можно перенастроить и заставить функционировать в проэкологическом направлении. Это подтверждается, во-первых, возникновением и расширением так называемых «зеленых рынков», возникающих под влиянием растущего спроса на чистые продукты и на продукцию, произведенную без нанесения ущерба среде. Во-вторых, сокращение отходов и загрязнений может быть увязано с получением прибыли (за счет увеличения количества выпускаемых товаров или экономии энергии и т. п.).

Изменения в структуре спроса делают «зеленое производство» достаточно прибыльным. В условиях, когда рынок полностью поделен между производителями, «зеленый рынок» открывает новые возможности получения дохода.

Логика функционирования рыночного механизма, по мнению сторонников «зеленого капитализма», может стимулировать экологическую эволюцию общества: «Свободные рынки могут стать стимулом для достижения устойчивого развития. Если цены на ресурсы установлены объективно, конкурентная борьба заставляет производителей экономить ресурсы. Если загрязнение окружающей среды будет отождествляться предпринимателями с ресурсами, “потерянными” для производства, то стремление снизить стоимость заставит производителей уменьшить вредные отходы, особенно если это будет связано с расходами на ликвидацию экологических последствий или выплату штрафов. Конкурентная борьба, присущая свободным рынкам, – основной фактор, способствующий созданию новых технологий. А новые технологии необходимы, чтобы более рационально использовать ресурсы для дальнейшей борьбы с загрязнениями» (Шмидхейни: 15).

Устойчивое развитие

Этот термин появился в начале 80-х годов. В течение последующего десятилетия был опубликован ряд работ, в которых обсуждалась возможность развития современной экономики, не нарушая баланса с природой (например: Simon and Kahn 1984). Затем идеи устойчивого развития легли в основу доклада «Наше общее будущее», опубликованного в 1987 году, и с этого времени они стали своего рода идеологией экополитики развитых стран Запада. Согласно выводам брунтландовской комиссии, существует возможность удовлетворить потребности современного поколения, не подвергая при этом риску возможности удовлетворения потребностей будущих поколений. Сторонники устойчивого развития полагают, что мировых ресурсов достаточно для удовлетворения нужд человечества на очень долгий срок.

Проблема заключается в распространении человеческой популяции, не соответствующем несущей способности природной среды, возможностям ее самовосстановления, а также в размере и степени неэффективного и иррационального использования природных ресурсов. Поэтому переход на устойчивое развитие требует выработки и осуществления широкомасштабной стратегии на мировом уровне, включающей в себя решение проблем бедности,

перенаселения, взаимоотношений между богатым Севером и бедным Югом (Pearce, Turner 1990).

С экономической точки зрения экспоненциальный рост промышленного производства может быть предотвращен, если будет достигнут баланс между экологической и экономической системами. При этом рост возможен и необходим, но он должен осуществляться таким образом, чтобы не разрушать этот баланс. Норма использования возобновляемых ресурсов должна быть равной или меньшей, чем норма их естественного воспроизводства. Значительную часть доходов от экономической деятельности следует направить на поддержание устойчивого состояния природных систем.

Современные стратегии устойчивого развития ориентированы, прежде всего, на достижение «устойчивого оптимума» нагрузки на природную среду за счет снижения загрязнений, сокращения использования ресурсов, экономии энергии и т. п. Предполагалось разработать и реализовать «устойчивые» сценарии для каждой группы продуктов и каждого вида социальной деятельности (Pearce, Turner 1990). Однако до сих пор нет данных, что устойчивый сценарий где-либо удалось осуществить.

Концепция устойчивого развития основана скорее на политическом прагматизме, нежели на научно обоснованных идеях (Mol 1989). По мнению ряда авторов, она позволила достигнуть определенного консенсуса различных политических и экономических сил, так как, во-первых, дает возможность для достаточно широкой трактовки, во-вторых, увязывает сохранение среды с экономическим ростом.

В настоящее время категория устойчивого развития есть лишь некая рамка, в которую каждый может вписать все, что пожелает, так как определены только две основные позиции: необходимость баланса между природой и обществом, экономической и экологической системами и замена роста развитием, – а указаний, как это можно сделать, нет. Анализ бесконечных источников, посвященных устойчивому развитию, в результате практически не имеет смысла. Этот термин нынче могут использовать и альтернативисты,

и последовательные сторонники сохранения современного общества и государства.

Экологическая модернизация

Экологическая модернизация – на сегодняшний день единственная, последовательная научная теория, объединяющая и обосновывающая идеи «зеленого капитализма» и устойчивого развития. Концепция экомодернизации использует теорию общества риска Бека, но без ее апокалиптической перспективы (когда рефлексия сама по себе становится источником риска) и идеи рефлексивной модернизации Э. Гидденса. По мнению сторонников экомодернизации, она представляет собой хорошо продуманный инструмент достижения устойчивого развития, отвечая на вопросы о том, как добиться баланса между средой и обществом и как заменить рост развитием.

У нее нет «отца-основателя», но ее идеологическим родоначальником можно считать Джозефа Хубера (Германия). Над созданием теории работали и работают многие социологи и экономисты, но, пожалуй, наиболее значительный вклад в ее развитие внесли Герт Спааргарен и Артур Мол (Голландия) и Альберт Вил (Англия) (см., например: Mol 1995; 2000; Mol, Spaargaren 1993; Weal 1992).

Классическими стали работы А. Мола по экологической модернизации, которые посвящены, большей частью, связанным с ней институциональным изменениям, но затрагивают также и более общие вопросы обособления, эмансипации «экологической сферы» и экологической рациональности от сферы экономических отношений и соответственно экономической рациональности (см.: Mol 1995).

Но вначале остановимся несколько подробнее на идеях Хубера, поскольку их эволюция в концентрированном виде выражает перемены, происходившие в обществе в середине 80-х годов. Кроме того, сформулированные им ключевые принципы (и признаки) экомодернизации не изменились в ходе дальнейшего развития концепции.

Джозеф Хубер изучал лингвистику, социологию и экономику в Германии, долгое время активно участвовал в немецком «зеленом» движении. Хубер придавал большое значение его альтернативному крылу, считая его своего рода экспериментальной лабораторией будущего общества (Huber 1980), и был одним из основателей

Netswerk Selbsthilfe Berlin (Берлинская сеть взаимопомощи). Однако в начале 80-х годов он кардинально изменил свою позицию. Эта перемена во взглядах связана с его опытом в Netswerk.

«Обман заключался в том, что, несмотря на наши многочисленные успехи, мы никогда не достигали своих подлинных целей. Сеть самопомощи никогда не была экономически жизнеспособной и всегда зависела от субсидий. Альтернативные предприятия никогда не были конкурентоспособными и зависели от ресурсов других людей. Экономика не может быть эффективной, работая таким образом. Компания должна сама зарабатывать себе деньги, иначе она не может существовать. Но еще больший обман был в том, что все эти малые альтернативные предприятия были, без сомнения, моделью в экологическом плане. По причине любительского подхода к бизнесу и постоянной нехватки капитала использовались неэффективные технологии и очень старые машины и оборудование, потребляющие энергию в невероятных объемах, производящие массу отходов и загрязнений и выпускающие продукцию ниже стандартов, принятых на обычном рынке, но продаваемую по очень высокой цене, которая могла поддерживаться только благодаря пропаганде» (Huber 1991b: 182).

Анализ данного опыта заставил Хубера изменить свои взгляды на роль социальных движений, последствия супериндустриального развития и влияния современной технологии на экономическую, социальную и экологическую сферы современного общества.

По мнению Хубера, роль социальных движений в проэкологическом изменении общества снижается, они уступают место экономическим акторам, в основном предпринимателям. Индустриализация интерпретируется как социально и экологически приемлемая, так как содержит возможности проэкологического развития, а современная технология играет важную роль в процессе экологической трансформации общества.

В начале 90-х годов экологическая модернизация превратилась в стройную концепцию, которая в последние годы претендует на роль теоретической основы государственной политики и идеологии экологического движения ряда западных стран.

Согласно концепции экомодернизации утверждается, что модернизационному процессу как таковому присуща логика проэкологической трансформации. Современная индустриальная система

вступает в новую фазу своего развития. На смену стадиям индустриального прорыва и формирования индустриального общества приходит стадия супериндустриализации, основной чертой которой становится экологизация индустриального процесса. Основным принципом концепции является возможность достижения одновременно экономического роста и сохранения среды благодаря новым технологиям. Предотвращение загрязнений и сокращение отходов в процессах производства и потребления за счет сбережения сырья и энергии и, вследствие этого, увеличение выпуска продукции позволяют встроить экологические ограничения в механизм капиталистического производства. Сами ограничения перестают быть такими и становятся факторами получения добавочной прибыли.

В отличие от «зеленого капитализма», экомодернизация направлена скорее на преобразование организационной и менеджерской основы индустриальной системы, чем на проэкологическую переориентацию рыночного механизма, который рассматривается как один из естественных элементов экомодернизационной системы управления.

Экомодернизация предполагает определенное сочетание государственного регулирования и самоорганизации. Традиционная бюрократическая экополитика негибка и экономически неэффективна. Она не может контролировать потоки сырья и энергии, циркулирующие в индустриальной системе, и не способна стимулировать экологически ориентированную деятельность компаний. Поэтому экологическая политика должна стать децентрализованной настолько, насколько это возможно. Необходимо включить механизмы саморегулирования и освободить государственные структуры от ряда функций в экологическом менеджменте, с тем чтобы они сконцентрировались на тех задачах, которые никто, кроме них, не может решить.

В то же время, по общему признанию социологов, государство играет лидирующую роль в экомодернизационном процессе (см., например: Cramer 1992).

Как менеджерская стратегия, экомодернизация предполагает функционализацию всего экополитического процесса, в котором место каждого из его субъектов (власти, компаний, экоНПО, науки и образования) строго определено.

В концепции зафиксированы происходящие изменения в раскладе социальных сил. По мнению ее сторонников, происходит смена основного агента экополитики: от экологических движений эта роль переходит к государству и экономическим акторам. Экодвижение превращается в сеть НПО, которые выполняют в основном посреднические функции, связывая между собой государственные организации, структуры местной власти, промышленности, малого бизнеса и др. Главным принципом взаимодействия всех этих акторов становится кооперация и партнерство.

Самоорганизация играет едва ли не ведущую роль в этой экологической трансформации общества, тем не менее последовательность и ход процесса самоорганизации достаточно четко определены и схематизированы. Разумеется, такого рода схемы не являются государственным предписанием, но существует хорошо отработанный механизм их распространения в обществе (финансовая поддержка тех проектов самоуправления, которые осуществляются по соответствующим правилам, организация тренингов, выпуск учебной литературы и пр.). Результатом такой самоорганизации почти всегда является расширение и усиление организационной сети экополитики.

Экомодернизация как концепция отражает (а как практика экологической политики развивает и усиливает) тенденцию «менеджеризации» политики и функционализации общественной жизни, которые проявляются в упрощении и специализации всех ее составляющих, и направлена на предотвращение возможных конфликтов между ними. Социальные отношения заменяются строго фиксируемым функциональным устройством, что на личностном уровне ведет к деиндивидуализации.

В 1990 году экологическая модернизация была официально объявлена государственной экологической стратегией Голландии. К настоящему времени экомодернизация и как научная теория, и как экополитическая стратегия наиболее развита в Голландии и Японии (Mol), она широко используется в экополитике Германии и Великобритании. Общие тенденции развития сферы социально-экологических отношений других развитых стран Запада также носят экомодернизационный характер и могут быть описаны в терминах этой концепции.

Заключение

Казалось бы, само развитие модерни (и осмысление этого развития), наконец, решило вопрос об устройстве общества, необходимым для преодоления экологического кризиса. Тем не менее полная победа экологической модернизации уже вызывает ряд сомнений и вопросов. Постмодернизм, информационное общество, экологическая модернизация оказываются не совсем тем, чего от них ожидали в начале 90-х годов. Участники экодвижения и его исследователи заметили это, пожалуй, одними из первых.

«Смена дискурса от экологической угрозы к устойчивому развитию, произошедшая примерно в 1987 году после публикации доклада комиссии Брутланд, обещала преодолеть противостояние общества и природы. Идея устойчивого развития содержала в себе понятия глобального равенства, справедливости и прав человека как внутренних аспектов решения экологических проблем. В принципе, это коррелировало с конструктивистским, культуралистским убеждением в том, что экологические проблемы есть, в первую очередь, проблемы человеческих отношений, а значит, культуры и политики. Однако эта идея не была признана культурной и не была встречена революцией в современной культуре, но грандиозной идеей “управления планетой Земля” ... посредством технологического знания» (Lash 1996: 5).

То же самое происходит не только в теории, но и на практике. «Европейский союз ответил на экологический вызов глобального потепления изъятием из этой проблемы всякого социального и культурного смысла, рассматривая ее только с позиций новых энергетических технологий и устанавливая общеевропейские стандарты (вроде энергетического налога), которые игнорируют различное значение и различное влияние, производимое ими в различных европейских культурах» (Lash 1996: 6).

Стандартизация и функционализация социальной жизни неизбежно приводят к ее упрощению. Требования безопасности и минимизации рисков влекут за собой ограничение свободы. Возникает проблема не только (может быть, и не столько) отношений общества и природы, прогресса и его экологических пределов, но соотношения безопасности и свободы, безопасности и демократии, и несколько по-новому встает проблема прогресса и свободы.

Успехом прошедших десятилетий можно считать экологически ориентированного потребителя, о чем свидетельствует возникновение и развитие «зеленых рынков» и рост заинтересованности компаний в производстве экологически чистой продукции. Однако новая экологическая парадигма так и не сложилась до конца, а доминирующей постепенно становится «инструменталистская, менеджерская, стандартизирующая парадигма, лишенная человеческого смысла» (Lash 1996: 5).

Рефлексивная модернизация означает рефлексию, осуществляемую внутри системы и фактически самой системой. Это, скорее, управленческая реакция на риск, направленная на обеспечение безопасности, сохранение и воспроизводство системы в целом. Отодвинув на периферию экологических дискуссий альтернативщиков с их идеями, общество фактически лишилось критического взгляда на самого себя, критического анализа и оценки основ своего развития.

Кроме того, как уже говорилось, основным катализатором этого анализа, вовлекающим в процесс осмысления и обсуждения все слои общества, было экологическое движение. Его институционализация и превращение в сеть эконоНПО свели его роль к обслуживанию экологической модернизации, которая, в результате, не подлежит сомнению и критике. Радикальные и альтернативные движения, разумеется, существуют, но они маргинальны и не оказывают сколько-либо серьезного влияния на общество. Антиглобалистов воспринимают только как хулиганов (а после событий 11 сентября и через запятую с террористами), в отличие от радикалов и альтернативистов 60-х годов, голос которых был услышан обществом, а многие идеи стали частью жизни современного общества (отсутствие дискриминации расовых, социальных и прочих меньшинств, различные формы самоорганизации и самоуправления и др.).

Наконец, решило ли общество проблему экологического кризиса? Пока основные проблемы загрязнения во многом решаются просто путем их переноса в развивающиеся страны вместе с наиболее грязными видами производства. По мнению сторонников экомодернизации, это временное явление, и в будущем проблемы все же решатся путем распространения экомодернизации в странах бывшего СССР и третьего мира (см., например: Mol 2000). Но послед

ние события: отказ США от подписания Киотского протокола, появление ряда публикаций, отрицающих само наличие кризиса (см., например: журнал «Власть» (2000), содержащий подборку статей о глобальном потеплении со ссылками на западные источники) – говорят о том, что экономические интересы снова открыто выдвигаются на приоритетные позиции, отодвигая интересы охраны среды на второй план. А согласно концепции экомодернизации, экономические и экологические интересы уже стали взаимозависимыми, взаимодополняющими и неотделимыми друг от друга.

В любом случае вопросы взаимодействия общества и среды и проблемы общественных отношений, связанные с этим взаимодействием (или вызванные им), с нашей точки зрения, остаются открытыми и требуют дальнейших исследований.

Литература

Бек, У. 2000. *Общество риска. На пути к другому модерну* / пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция (первое нем. изд. 1986 г.).

Иноземцев, В. Л. (ред.) 1999. *Новая постмодернистская волна на Западе. Антология* (108). М.: Academia.

Шмидхейни, С. 1994. *Смена курса* / пер. с англ. М.: Международный ун-т.

Власть 46: 4–13. 2000.

A Blueprint for Survival. Harmondsworth: Penguin, 1972.

Carson, R. 1962. *Silent spring*. New-York: Houghton-Mifflin.

Bookchin, M.

1966. Ecology and revolutionary thought. *Anarchy* 69 (6): 18–29.

1971. *Post Scarcity Anarchism*. London: Wildwood House.

1990. *Remaking society. Pathways to a green future*. Boston: South End Press.

Catton, W. R., and Danlop, R. E. 1978. Environmental sociology and new paradigms. *The American Sociologist* 13: 41–49.

Commoner, B. 1982. *The Ecology of Freedom. The Emergence and Dissolution of Hierarchy*. Palo Alto CA: Cheshire Books.

Cramer, J. 1992. *The bygone illusion*. TNO Policy Research.

Giddens, A.

1990. *The consequences of modernity*. Cambridge: Polity Press.

1998. *Sociology. Third edition*. Cambridge: Polity Press.

Gore, A. 1992. *Earth in the Balance. Forging a New Common Purpose*. London: Earthcan Publications.

Grover Foley. 1992. Deep Ecology and Subjectivity. *Society and Nature* 2 (september – december): 91.

Dunlap, R. E., and Catton, W. R. 1994. Struggling with Human Exemptionalism: the Rise, Decline, and Revitalization of Environmental Sociology. *American Sociologist* 25 (1) (Spring): 25–30.

Hardin, G. 1968. Tragedy of Commons. *Science* 162: 1243–1248.

Huber, J. 1984. Human Ecology. *Journal of Public and International Affairs* 5 (1): 122–132.

Lash, S., Szerszynsk, B., Wynne, B. (eds.) 1996. *Risk, Environment and Modernity*. London: Sage/TCS.

Lompe, K. 1991. On the Social Acceptability of Modern Technology: New Challenges for Politician and Scientists in the World. *In Research in Philosophy and Technology* 11: 30–48.

Meadows, Donella H., Meadows, Dennis L., Randers, Jorgen, and Behrens III, Willams, W. 1972. *The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project of the Predicament of Mankind*. London: Earth Island.

Meadows, Donella H., Meadows, Dennis L., Randers, Jorgen. 1992. *Beyond the Limits: Global Collapse or Sustainable Future?* London: Earthcan Publications Ltd.

Mishan, E. J. 1967. *The Cost of Economic Growth*. London: Stappess Press.

Mol, A. P. J. 1995. The Refinement of Production. Ecological modernization theory and the chemical industry. Utrecht: Van Arkel.

Mol, A. P. J., and Spaargaren, G. 1993. Environment, Modernity and the Risk-society. The Apocalyptic Horizon of Environmental Reforms. *International Sociology* 4: 431–459.

Mol, A. P. J., and Sonnenfeld, D. A. (eds.) 2000. *Ecological Modernization around the World: Perspectives and Critical Debates*. London and Portland: Frank Cass Publishers.

Naess, A.

1973. The Shallow and the Deep, Long-range Ecology Movement. *A Summary' Inquiry*, 16 (1): 95–100.

1998. *National Environmental Policy Plan*. Ministry of Housing, Spatial Planning and the Environment (VROM). Hague, February.

Perrow, Ch. 1984. *Normal Accidents. Living with High-risk Technologies*. USA: Basic Books.

Pearce, D. W., Turner, R. K. 1990. *Economic of Natural Resources and the Environment*. Great Britain, BPC Wheatons Ltd.

Pepper, D.

1984. *The Roots of Modern Environmentalism*. Croom Helm Australia.

1993. *Eco-socialism. From Deep Ecology to Social Justice*. London, Roseledge.

Sachs, W. (ed.) 1993. *Global Ecology: a New Arena of Political Conflicts*. London: New Jersey Zed Books.

Simon, J., and Kahn, H. 1984. *The resourceful earth: a response to Global 2000*. Basil Blackwell, Oxford.

Shumacher, E. F. 1973. *Small is Beautiful: Economics as if People Really Mattered*. London: Abacus.

Szerszynsky, B. 1996. On Knowing what to do: Environmentalism and Modern Problematic. In Lash, S., Szerszynsk, B., Wynne, B. (eds.), *Risk, Environment and Modernity*. London: Sage / TCS.

Spaargaren, G., and Mol, A. P. J. 1992. Sociology, Environment and Modernity. Ecological Modernization as a Theory of Social Change. *Society and Natural Resources* 5 (1): 323–344.

Van der Straaten, J. 1992. The Dutch National Environmental Policy Plan: To Choose or to Lose. *Environmental Politics*, v. 1, N 1 Spring: 45–71.

Weale, A. 1992. *The New Politics of Pollution*. Manchester – New York: Manchester University Press.

WCED, Our Common Future. London: Oxford University Press, 1987.